
М. Г. ЛОГУТОВА

**«AMA NESCI RI»¹. РЕКОНСТРУКЦИЯ АВТОБИОГРАФИИ
ФОМЫ КЕМПИЙСКОГО ПО ЕГО ИСТОРИЧЕСКИМ
СОЧИНЕНИЯМ²**

Фома Кемпийский, автор книги «О подражании Христу» (по числу изданий уступает только Библии)³, родился между 29 сентября 1379 г. и 24 июля 1380 г. в городке Кемпен неподалеку от Кельна в семье кузнеца (или золотых дел мастера) Иоганна (Johan Nemerken, Namerlein — «молоточек»). У него был брат Иоганн, старше его на 15 лет. Мать происходила из уважаемой в Кемпене семьи Кют (Kult, Kuit). В архиве г. Кемпен сохранился датированный 19 сентября 1402 г. документ, в котором братья Иоганн и Фома Хемеркены дают согласие на продажу дома их дядей клириком Иоганном Кютом и отказываются от каких-либо прав на наследство⁴.

¹ «Ama nesciri et pro nihilo reputari» (Parvulus alphabetum monachorum // *Thomae Nemerken a Kempis. Opera omnia* / ed. M. J. Pohl. Friburgi Brisigavorum, 1904 (далее — *Thomae Nemerken. Opera*). Vol. 3. P. 317.

² Материалы данной статьи частично вошли в изд.: *Логутова М. Г.* Фома Кемпийский и «Новое благочестие» // Символ : журнал христианской культуры. Париж ; М., 2011. № 59 : Нидерландская духовная литература позднего Средневековья и раннего Нового времени. С. 201–259.

³ *Waaïjman K.* Inleiding // *Nuchtere mystiek. Navolging van Christus* / K. Waaïjman e. a. Kampen, 2006. Blz. 9.

⁴ *Thomas à Kempis et la Dévotion Moderne : catalogue d'exposition.* Bruxelles, 1971. P. 28 ; *Alberts W. J.* Uit het leven van Thomas a Kempis // *Bijdragen over Thomas à Kempis en de Moderne Devotie.* Brussel ; Zwolle, 1971. Blz. 29.

Брат Фомы, Иоганн Кемпийский (1365–1432), был одним из зачинателей «Нового благочестия». Это движение составилось в конце XIV в. из двух тесно связанных между собой структур: полусветских общин братьев и сестер «общей жизни» и монастырей Виндесгеймского капитула. Иоганн был переписчиком книг в первой общине братьев «общей жизни», которая сложилась в Девентере (Северные Нидерланды) вокруг патриция Герта Грооте (1340–1384) и священника Флоренса Радевейнса (ок. 1350–1400). В 1386–1387 гг. Иоганн вместе с пятью другими писцами своими руками построили небольшой монастырь Виндесгейм близ Зволле. Монастырь принял устав августинских уставных каноников и был освящен 17 октября 1387 г. В 1392 г. виндесгеймские каноники основали еще два монастыря, в 1395 г. эти три монастыря объединились в капитул под началом Виндесгейма. Расширение капитула шло в двух направлениях: основывались новые монастыри и присоединялись реформированные старые. Реформы заключались в строгом следовании уставу и духовному обновлению каноников путем воспитания сознательного отношения к христианской вере. В 1398 г. к Виндесгеймскому капитулу присоединился только что основанный монастырь Агнитенберг близ Зволле, первым приором которого стал Иоганн Кемпийский⁵.

В 1392 или 1393 г. его двенадцатилетний брат Фома пришел для учебы из родного Кемпена в Девентер. Флоренс Радевейнс устроил мальчика в знаменитую латинскую школу при церкви Св. Лебвина, а по завершении обучения направил в 1399 г. в монастырь горы Св. Агнессы, где прошли более 70 лет иноческого служения Фомы Кемпийского. В 1406 г. Фома был облачен в монашеское одеяние, в 1413 или 1414 г. принял сан священника. Дважды назначался субприором монастыря и один раз — прокуратором. Переписывал книги и писал собственные произведения: мистико-назидательные трактаты, проповеди, молитвы, гимны. Его перу принадлежат также исторические сочинения: «Житие Лидевиги девы», «Диалоги новичиев» и «Хроника Агнитенберга». В двух последних книгах (в случае с переписчиком Фомой Кемпийским следует различать его собственные произведения и переписанные им чужие) изредка про-скальзывают кое-какие сведения о себе.

Немногочисленные автобиографические фрагменты заслуживают особого внимания. Они приоткрывают внутренний мир этого человека и вносят теплый и личный оттенок в клишированные житийные описания. При этом следует помнить, что самовосприятие Фомы основывалось на заложенной еще в подростковые годы идее христианского смирения, которой он подчинил свои действия, мысли и чувства. Сквозь все произведения Фомы красной нитью проходит мысль о том, что должно

⁵ *Логотова М. Г.* Истоки и организационные формы «Нового благочестия» // СВ. М., 2000. Вып. 61. С. 225–253.

«...не своим заслугам или способностям, но одному Богу все приписывать»⁶. Слова, вынесенные в заглавие настоящей статьи, могут служить эпиграфом и к его собственной жизни. Фома дважды записал их в контексте фраз об истинном знании и об истинной пользе. В книге «О подражании Христу» они завершают пассаж о том, что нельзя использовать свои знания для возвеличения над другими людьми: «Зачем желаешь быть поставленным выше другого, когда найдутся многие более ученые, чем ты, и более сведущие в законе? Если желаешь знать и научиться чему-либо полезному, люби, чтобы тебя не знали и ни во что не ставили»⁷. Этой же фразой начинается «Малый алфавит монаха» — ряд кратких, расположенных в порядке алфавита наставлений молодому иноку. Здесь «*Ama nesciri*» становится первой и главной монашеской заповедью: «Люби, чтобы тебя не знали и ни во что не ставили. Это для тебя спасительнее и полезнее, чем быть восхваляемым людьми»⁸. В «Хронике монастыря горы Святой Агнессы» эти слова приведены в главе о трудах первых каноников, возводивших монастырь⁹.

Фома был самым плодовитым автором «Нового благочестия», но его активная писательская деятельность не вступала в противоречие с заповедью монашеского смирения. Написанный текст имел для Фомы самодовлеющее, безотносительно к личности автора значение: «Не старайся узнать, кто это сказал: но обращай внимание на то, что сказано»¹⁰. Если человек писал не для суетной славы, то имел право высказывать свои мысли, особенно когда дело касалось воспитания в христианском духе подрастающего поколения. Именно воспитательный аспект в первую очередь усматривали в сочинениях Фомы его современники. В некрологе продолжатель «Хроники Агнитенберга» сообщил, что брат Фома Хемеркен

⁶ «*Omnis actio bona Deo ascribenda est: non vestrae industriae nec potentiae*» (Sermones ad novicios regulares // *Thomae Hemerken. Opera. Vol. 6. P. 57*); «*Qui virtutes suas et aliorum quaelibet opera bona simpliciter et integre pure et libere ad laudem et honorem Dei refert: totum Deo scribendo, nil meritis suis nec viribus attribuendo*» (*Hortulus rosarum // Ibid. Vol. 4. P. 39–40*).

⁷ «*Noli altum sapere: sed ignorantiam tuam magis fateri. Quid te vis alicui praeferre, cum plures doctiores te inveniantur, et magis in lege periti? Si vis utiliter aliquid scire et discere: ama nesciri et pro nihilo reputari*» (*Thomae Kempensis. De imitatione Christ libri quattuor / ed. K. Hirsch. Berolini, 1874. P. 7*).

⁸ «*Ama nesciri: et pro nihilo reputari. Hoc tibi salubrius est et utilius: quam laudari ab hominibus*» (*Parvulus alphabetum monachorum. P. 317*).

⁹ «*Inveniebatur plerumque res gesta exterius: et nesciebatur actor operis. Sic ostensa fuit caritas in opera, et humilitas custodita in corde, iuxta illud: Ama nesciri*» (*Chronica montis sanctae Agnetis // Thomae Hemerken. Opera. Vol. 7. P. 348*).

¹⁰ «*Non te offendat auctoritas scribentis, utrum parvae vel magnaeliterature fuerit: sed amor purae veritatis te trahat ad legendum. Non quaeras quis hoc dixerit: sed quid dicatur attende*» (*Thomae Kempensis. De imitatione Christ ... P. 15*).

«...для образования молодежи сочинил различные книжки, и хотя стиль этих книг прост и ясен, но содержание — величественно и воздействие — эффективно»¹¹.

Будучи профессиональным писателем, Фома тщательно продумывал темы своих книг и облакал их в наиболее подходящую для избранного сюжета форму. Каждый из немногочисленных автобиографических эпизодов в его произведениях выверен и точно встроены в канву повествования, усиливая эффект воздействия. В прологе к трактату *Soliloquium animae* Фома следующим образом описал свой творческий метод: «Я разнообразил свою речь, представляя ее то в виде разговора, то спора, то молитвы, то собеседования, и разворачивал повествование то от своего, то от другого лица»¹². Когда того требовал жанр, рассказ велся «от другого лица», как в случаях с фактами собственной биографии в «Хронике Агнитенберга». Так, называя поименно каноников, переселившихся в Людингакерк во время так называемой Утрехтской схизмы, Фома писал о себе в третьем лице: «Во-первых, почтенный отец наш, приор Теодорик Кливис, во-вторых, брат Фома Кемпийский, субприор...»¹³

Чаще, однако, Фома писал от «своего лица», полагая, что конфиденциально личное обращение легче доносит информацию до ума и сердца читателя. Во введении к истории своего монастыря Фома перечислил источники, из которых черпал сведения, и на первое место поставил то, чему был свидетелем: «...я составил краткую хронику для утешения ныне живущих и для памяти будущих поколений. Смирненно подтверждая их [собратьев по монастырю] благочестивые пожелания, собрал, понемногу от многих, то, что видел своими глазами либо слышал от наших старших или узнал из написанного другими»¹⁴. В большинстве эпизодов от первого лица говорится о людях, которых он знал лично и память о которых хотел сохранить. В этих рассказах нет автобиографических данных в привычном смысле слова, но они высвечивают личность автора с его благодарностью, сочувствием. Многоплановость привлеченных источников является несомненным достоинством «Хроники монастыря горы Святой

¹¹ «Insuper composuit varios tractatulos ad aedificationem iuvenum in plano et simplici stilo, sed praegrandes in sententia et operis efficacia» (*Chronica montis sanctae Agnetis*. P. 466).

¹² «Vario etiam sermonum genere, nunc loquens, nunc disputans, nunc orans, nunc colloquens: nunc in propria persona, nunc in peregrina placido stilo textum praesentem circumflexi» (*Soliloquium animae // Thomae Hemerken*. Opera. Vol. 1. P. 191).

¹³ «In primis venerabilis pater noster prior dictus frater Theodoricus Clivis, secundus frater Thomas Kempis supprior...» (*Chronica montis sanctae Agnetis*. P. 466).

¹⁴ «...brevem chronicam texerem ad solacium praesentium et memoriam futurorum. Quorum piis desideriis humiliter annuens pauca de pluribus collegi, quae vel ipse oculis vidi, vel a senioribus nostris didici, aut ex aliorum scriptis accepi» (*Ibid*. P. 333).

Агнессы», однако в памяти остаются моменты, очевидцем которых был Фома. Немногословно, несколько отстраненно, но неизменно сочувственно он передавал характерные черты, свойственные при жизни его усопшим собратям, их привычки и высказывания:

«В 1436 г. в день обретения Святого Креста умер <...> брат Алард священник <...> Он хотел умереть в праздник Святого Креста и, как просил, вымолил; потому что имел обыкновение проводить службу в алтаре Святого Креста. И часто мне говорил: “Для меня лучшее блюдо в трапезной — чтение Священного Писания, каковое слушаю с удовольствием”»¹⁵.

Больше всего автобиографических отрывков имеется в «Диалогах новициев». Это сочинение было написано для наставления послушников. В нем использован великолепный прием — воспитывать молодых монахов на примере жизни выдающихся людей своего круга. Тем самым приглушалась дидактическая нота, и произведение лишалось ригористичности. Отвечая на вопросы новicia, Фома-наставник рассказывал о чистоте нравов Герта Грооте, Герарда Зербольта, Флоренса Радевейнса и их последователей (всех их, кроме Грооте, он знал лично), об их неустанной работе над совершенствованием своего внутреннего мира, их преданности общему делу, их любви к книгам и особенно к чтению Св. Писания, т. е. повествовал обо всем, что составляло духовную основу «Нового благочестия». В некоторых эпизодах умудренный опытом Фома-воспитатель вспоминает Фому-подростка или Фому-юношу, свидетеля или участника событий. Выстроенные в хронологической последовательности, эти рассказы и некоторые отрывки из «Хроники Агнитенберга» дают возможность смоделировать *curriculum vitae* Фомы Кемпийского. Событийная канва этой биографии бедна, поскольку при описании каждого эпизода акцент сделан на мыслях и чувствах, вызванных словами и действиями людей, с которыми довелось общаться Фоме. В целом эта гипотетическая автобиография отражает напряженную внутреннюю жизнь сначала подростка, затем юноши и зрелого человека, наставника новициев.

Все члены своей семьи перечислены Фомой только раз, в рассказе о его облачении в монашеское одеяние:

«В году 1406 <...> были облачены два брата клирика и один конверс брат Фома Хемеркен из города Кемпен Кельнского диоцеза, единокровный

¹⁵ «Eodem anno [AD MCCCCXXVI] obiit in inventione sanctae crucis <...> frater Alardus, presbyter de Pilsun, natione Friso <...> annorum plus quam LXXVI <...> Qui in festo sanctae crucis mori desideravit et, sicut petiit, impetravit; quia frequenter in altari sanctae crucis celebrare consuevit. Dicebat etiam saepius mihi. Optimum ferculum, quod habeo in refectorio, est sacra lectio, quam libenter audio...» (Ibid. P. 409).

брат Иоганна Кемпийского, первого приора [монастыря]. Отца их звали Иоганном, мать — Гертрудой»¹⁶.

Больше родителей Фома не упоминал, но старшему брату, первому приору монастыря горы Св. Агнессы, посвящено в «Хронике Агнитенберга» немало страниц¹⁷.

Во временной последовательности жизненного пути Фомы первое сообщение о себе содержится в «Диалогах новичиев». Когда в двенадцатилетнем возрасте он пришел к старшему брату в Девентер, то там его не застал — Иоганн уже несколько лет был каноником в Виндесгейме. Фома пишет:

«Когда в отроческие годы пришел я учения ради в Девентер, то выяснил, что должен идти далее к каноникам в Виндесгейм. Там нашел я братьев уставных каноников вместе с единокровным братом моим и с их одобрения был направлен к высокочтимому мужу магистру Флоренсу Радевейнсу, благочестивому викарию и священнику девентерской церкви, чья слава уже вышла за пределы города и в своей любви привлекала мой ум»¹⁸.

Фома оказался в чужом городе в том возрасте, когда подростку необходимы внимание и чуткое руководство. Радевейнс принял заботу о мальчике. Он определил его в школу при церкви Св. Лебвина и снабдил книгами, которые, как он полагал, будут полезны в его занятиях¹⁹. Когда пришло время внести залог за школьные учебники, Радевейнс дал Фоме необходимые для этого деньги. Ректор школы, большой друг Радевейнса, узнав, откуда деньги, велел их вернуть²⁰. Сначала Фома жил в доме

¹⁶ «Anno Domini M.CCCC.VI. in die Sacramenti, quae tunc fuit in profesto Barbarae, investiti sunt duo fratres clerici et unus conversus frater Thomas Hemerken de Kempis civitate, dioecesis Coloniensis, germanus fratris Iohannis Kempen primi prioris, quorum pater Iohannes, mater Gertrudis vocabatur» (Chronica montis sanctae Agnetis. P. 371–372).

¹⁷ Ibid. P. 365–368, 370–372, 407–408.

¹⁸ «Cum igitur studii causa in annis adulescentiae Daventriam pervenissem: quaesivi iter pergendi ad regulares in Windesem. Ibiq[ue] inventis fratribus canonicis regularibus cum germano meo, hortatu illius inductus sum adire summae reverentiae virum magistrum Florentium Daventriensis ecclesiae vicarium sacerdotemque devotum, cuius fama dulcissima ad partes superiores iam ascenderat et in amorem sui mentem meam traxerat: quem frequens turba scholarium in divinis rebus agentem recommendare solebat» (Dialogus noviciorum // *Thomae Hemerken*. Opera. Vol. 7. P. 214–215).

¹⁹ «Veniens ergo ad praesentiam patris reverendi, mox pietate motus; aliquantisper me secum in domo tenuit et ad scholas instituit: datis insuper libris quibus me egere putavit» (Ibid. P. 215).

²⁰ «Magister Iohannes Boeme rector scholarium et vicarius maioris ecclesiae: sub quo diu frequentavi magnus amicus fuit domini Florentii, libenter eum audiens et faciens quod Deo placitum fore sciebat. Cum ergo tempus solvendi pretium instaret: reddiderunt singuli quod iure debebant. Tunc etiam et ego optuli ei pretium ad manum

мейстера Флоренса, позднее Радевейнс добился для него гостеприимства у некой благочестивой женщины²¹: в Нидерландах считалось богоугодным делом взять в дом школьника и предоставить ему пиво и хлеб²². Обаяние личности Радевейнса оказало определяющее влияние на духовное становление юноши. Спустя много лет Фома писал в «Жизнеописании господина Флоренса»: «И если все будут хранить молчание, я не стану безмолвствовать, но буду петь милосердие господина Флоренса в вечности»²³.

Значительная часть автобиографических заметок Фомы относится к отроческим и юношеским годам, проведенным с Радевейнсом и его окружением. Воспоминания эти проникнуты теплом и признательностью. У братьев он приобрел полезные для своей будущей жизни знания: он научился слушать (воспринимать на слух и понимать) тексты благочестивых книг, самостоятельно читать Св. Писание и писать, т. е. переписывать книги²⁴. Переписка книг была основным занятием братьев «общей жизни», уделявшим ему по семь-восемь часов в день. Книги изготавливались для своих библиотек и для продажи (*pro pretio*). Часть заработанных денег шла на содержание общежития для школьников, где мальчикам прививали сознательное отношение к христианской вере и к чтению. Активная писцовая деятельность братьев диктовалась спросом на доступную пониманию среднего клира и грамотных горожан религиозную литературу, потребность в которой они сами в значительной мере воспитывали своей просветительной работой. Библиотеки братьев «общей жизни» были открыты для мирян, и в некоторых из них книги выдавались на дом.

По воскресным и праздничным дням братья приглашали мирян в свои дома на собеседования (*collationes*), во время которых читали с ними отрывки из Св. Писания и благочестивых книг. Благочестивые собеседования стали действенным методом распространения идей внутреннего религиозного обновления. Они зародились в доме Флоренса Радевейнса как вечерние чтения и беседы братьев между собой о прочитанных книгах,

eius: repetens librum quem pro pignore reliqui. Et quia notitiam mei habuit sciens me stare sub cura domini Florentii ait mihi. Quis dedit tibi hanc pecuniam? Respondi. Dominus meus Florentius. Vade inquit reporta sibi pecuniam suam: nolo aliquot a te recipere propter ipsum. Reportavi iterum pecuniam domino meo Florentio et dixi. Reddidit mihi magister pretium amore vestri. At ille. Grates sibi ago alias iterum donis potioribus provideo» (Ibid. P. 177).

²¹ «Demum hospitium cum quondam honesta et devota matrona gratis impetravit: quae mihi et aliis multis clericis saepius benefecit» (Ibid. P. 177).

²² *Codina M. G.* Aux sources de la pédagogie des jésuites le «Modus Parisiensis» // *Bibliotheca instituti historici S. J. Roma*, 1968. Vol. 27. P. 155.

²³ «Etsi omnes tacuerint ego non silebo, sed misericordias domini Florentii in aeternum cantabo...» (Dialogus noviciorum. P. 158).

²⁴ «Ibi quippe didici scribere et sacram scripturam legere, et quae ad mores spectant: devotosque tractatus audire» (Ibid. P. 319).

о духовном становлении личности. Когда в доме появились школьники, их также стали привлекать к участию в колляциях. На них Фома научился читать Библию и книги, служащие воспитанию внутренней природы человека²⁵. Отголоски этих доверительных бесед слышны во многих книгах Фомы.

Радевейнс ровно и доброжелательно относился ко всем школьникам и не выделял Фому, хотя тот и был братом одного из его первых соратников. За восемь проведенных в Девентере лет Фома только раз получил приглашение на ежегодно устраиваемый мейстером Флоренсом обед:

«Имел обыкновение каждый год в день святого папы Григория приглашать, в честь этого святого, двенадцать бедных школьников к своей трапезе, поскольку святой Григорий каждый день собирал у себя двенадцать бедняков. [И однажды], по милости его, некто по имени громко меня назвал, чтобы я пришел в дом [Радевейнса] в час трапезы. Подкрепленные едой и питьем, мы с радостным сердцем возвращались в школу, громко воздавая хвалу Богу и господину нашему Флоренсу за оказанные благодеяния и гостеприимство»²⁶.

Очень проникновенно, с точной интонацией, передающей всю глубину его любви и уважения к этому человеку, описан один случай во время церковной службы:

«В то время я посещал хор вместе с другими учениками, как мне было предписано магистром Иоганном Беме, строго руководившим школой и хором. И сколько раз видел на хорах господина Флоренса. <...> Случилось как-то, что я стоял в хоре недалеко от него. Он повернулся к книге, чтобы петь вместе с нами, и, стоя позади меня, положил руку мне на плечо. Я замер, едва смея пошевелиться, пораженный таким знаком благоклонности»²⁷.

²⁵ «...quae ad mores spectant: devotosque tractatus audire» (Dialogus noviciorum. P. 319).

²⁶ «...omni anno in festo beati Gregorii papae, duodecim pauperes scholares ad honorem sancti Gregorii ad suum prandium invitare solebat quia beatum Gregorium duodecim pauperes omni die habuisse legerat. Et ego ex comissione eius aliquos pauperes nominatim mihi expressos: ad domum eius hora prandii introduxi. Qui cibo potuque refecti alacri corde ad scholas redierunt, et de acceptis beneficiis, Deo laudes et magnas grates largifluis hospiti suo domino Florentio...» (Ibid. P. 155).

²⁷ «Et ego tunc temporis cum aliis scholaribus chorum visitare consuevi sicut iniunctum mihi fuerat a magistro Iohanne Boëme, qui scholas et chorum strenue regebat. Quotiens ergo dominum meum Florentium in choro stantem vidi, licet ipse non circumspiceret: praesentiam tamen eius ob reverentiam status sui metuens, cavebam aliquid fabulari. Et accidit aliquando ut non longe ab eo starem in choro: vertitque se ad librum nobiscum canendo. Et stans retro me manus suas super umerum meum posuit, stetique fixus vix audens me movere: stupens ad tantae dignationis gratiam» (Ibid. P. 142).

В память школяра Фомы запал один разговор, который состоялся у школьников со «смирненным поваром» в доме мастера Флоренса Иоганном Кесселем. Состоятельный купец, Кессель хотел стать священником и начал изучать латынь, однако после бесед с Радевейнсом оставил учебники и упросил мастера Флоренса взять его в свой дом поваром²⁸. Был образцом смирения, во время приготовления еды распевал молитвы. Кессель превратил свою кухню в молельню, поскольку знал, что Бог есть везде, и из огня материального сумел возжечь жар духовный²⁹.

«Однажды в праздничный день, — пишет Фома, — когда к нему [Кесселю] пришли из школы некие клирики, он завел с ними беседу о благих вещах. И среди прочего сказал следующее. Находим записанным в Евангелии: блаженны нищие духом, ибо их есть царствие Небесное. Нигде, однако, не читаем, что блаженны магистры искусств. Клирики же, которые с большим почтением его слушали, были поражены необычностью этих слов. Далее он разъяснил свою мысль: без смирения наука не приносит пользы, но нищетою духа, т. е. смирением, воистину достигается Царство Божие»³⁰.

Ни одна школа не может существовать без соревнования учеников друг с другом и без размышлений учащихся о последующем приложении своих знаний. Представляется вероятным, что в школе при церкви Св. Лебвина воспитанников ориентировали на дальнейшее обучение в университете и на получение ученых степеней. Столь чтимые Фомой Грооте и Радевейнс были магистрами искусств. Поэтому мысль о том, что нужно стремиться к смирению себя перед Богом, а не к университетским званиям, показалась такой необычной для школяра Фомы. Возможно, слова Кесселя заставили его задуматься о будущем — идти в университет или в монастырь. В своих сочинениях Фома не раз возвращался к этой теме и всесторонне рассмотрел ее во второй, третьей и четвертой главах первой книги «О подражании Христу»³¹.

²⁸ Ibid. P. 295.

²⁹ «Saepe namque inventus est flexis genibus orare circa ignem et cum ollam manu congereret: ore devote psallebat. Fecit de coquina oratorium sciens ubique esse Deum: et de igne materiali excitavit spiritualem fervorem» (Ibid. P. 296).

³⁰ «Quodam die sacro cum quidam clerici venissent ad eum de schola: coepit eis dicere aliqua bona, et inter cetera haec ait. Bene invenimus in evangelio scriptum, beati pauperes spiritu: quoniam ipsorum est regnum caelorum, sed nullibi legimus, beati magistri artium. At illi obtupescentes de novitate verborum: cum multa reverentia eius verba sumpserunt Quibus etiam declarabat sententiam suam: quia sine humilitate scientia non prodest sed paupertate spiritus id est humilitate regnum Dei veraciter obtinetur» (Ibid. P. 297).

³¹ *Фома Кемтійский*. О подражании Христу / пер. с лат. К. П. Победоносцева. Брюссель, 1983. С. 3–5.

Последний школьный год Фома опять жил в доме мастера Флоренса, где делил комнату и постель с другим юношей, Арнольдом ван Схонховеном³². В доме жили 20 человек: трое братьев-мирян (ведавший практическими делами дома прокуратор, вестиатор, заботившийся об одежде, и повар) и клирики, переписывавшие книги. Некоторые из них впоследствии ушли в августинские монастыри, другие стали священниками³³.

Постоянное общение с клириками-писцами побуждало Фому учиться профессиональному письму. Начальный импульс, однако, он получил от своего товарища по комнате Арнольда Схонховена, к советам которого о презрении мира внимательно прислушивался³⁴. Этот юноша из состоятельной семьи страстно хотел остаться в доме мастера Флоренса и стать полноправным членом общины. Радевейнс объяснил ему, что для этого требовалось научиться переписывать книги. Совет послужил Арнольду руководством к действию:

«Учитесь хорошо писать, и тогда надежда будет с вами. Услышав это, он [Арнольд] приложил все старание к тому, чтобы научиться хорошо писать, постоянно навещая одного из лучших писцов с просьбой как можно более полно себя проинструктировать. И говорил мне: “О если бы я овладел мастерством письма, то мог бы скорее жить с господином Флоренсом. Надеюсь с божьей помощью успешно победить свои страсти, чтобы благодаря этому научиться писать”. Когда я это услышал, удивлен был его скромностью и жаром: потому что он со всем напряжением исполнял то, что советовал господин Флоренс. А я рассудил наоборот, говоря себе: если бы знал, что это сделает меня лучше, то захотел бы выучиться хорошо писать»³⁵.

Последняя фраза показывает, как тонко Фома, со свойственной ему высокой степенью интроспекции, уловил различие между собой и своим товарищем. Два юноши делили комнату и постель, равно впитывали в себя атмосферу дома мастера Флоренса и ревностно стремились к благочестию.

³² «Eodem tempore adiuvante domino Florentio et consulente domum illam inhabitare coepi, et fere per annum in congregatione illa cum Arnolde permansi: simul una camerula unoque lecto ambo contenti» (Dialogus noviciorum. P. 318–319).

³³ Ibid. P. 318.

³⁴ «Ad saeculi quoque contemptum fortius animabar maxime dulci conversatione fratrum et pia admonitione Arnoldi cotidie adiutus et instructus» (Ibid. P. 319).

³⁵ «...ita dicens ad eum [Arnoldum]: Discatis bene scribere et tunc spes erit de vobis. Quo audito tota diligentia nitebatur scribere addiscere: saepe vadens ad unum de bonis scriptoribus et petens ab eo plenius informari. Et dixit mihi. O si scirem bene scribere: ut possem citius cum domino Florentio habitare. Spero quod bene per gratiam Dei vellem passiones meas vincere: si tantummodo scribere scirem. Et cum haec audissem, miratus sum probitatem eius et fervorem: quia omni conamine satagebat agere quae dominus Florentius dixerat. Et ego versa vice cogitavi mecum dicens. Bene vellem addiscere scribere: si scirem me bene emendare» (Ibid. P. 323).

Но одному из них цель жизни виделась в получении места писца, все прочее, в том числе победа над собой, служило средством к ее достижению. Для Фомы уже в юные годы борьба за совершенствование своей духовной природы стала главной задачей, которой он подчинил всю свою жизнь. Впоследствии в книге «О подражании Христу» он писал: «Не тому ли всего труднее борьба, кто старается победить себя самого? И вот какое должно быть наше дело: себя самого побеждать и каждый день оттого становиться сильнее и восходить на лучшее»³⁶.

Что касается мастерства переписчика, то Фома, вероятно, на собственном опыте убедился, что писцовая работа дисциплинирует и способствует самоконтролю, и попросил одного из клириков сделать для него прописи. В этом эпизоде из «Жизнеописания господина Люберта Бернери» Фома говорит о себе в третьем лице («quodam iuvene»). Отдавая юноше готовые прописи, Люберт сказал, что с такими длинными и мягкими пальцами тот научится хорошо писать. Фома добавляет: «И, с божьей помощью, правильно предсказал»³⁷. Впоследствии писцовый труд стал одним из главных дел его жизни, но уже в этот свой последний год в Деветере Фома наравне с благочестивыми клириками переписывал книги на продажу. Заработанные деньги отдавал в общую кассу, но, поскольку их не хватало на его содержание, остальное доплачивал за него Радевейнс, помогавший юноше во всем с отеческой заботой³⁸. Фома отвечал ему самой высокой мерой любви и уважения и всей душой сопереживал страданиям, происходившим от слабого здоровья мейстера Флоренса:

«Однажды я пришел навестить его в его комнате, где он, немощный, сидел в своей постели, и сердечно приветствовал его, много сожалел о его слабости. Брат же Якоб де Вианен, который тогда прислуживал ему, принес какие-то укрепляющие приправы, говоря: “Это хорошие кушанья, отведайте немного. Приятно пахнут, не правда ли?” Тогда он мне, слушающему, ответил: “Корка хлеба для вас вкуснее, чем мне это...”»³⁹.

³⁶ *Фома Кемтский*. О подражании Христу. С. 3.

³⁷ «Sciebat [Lubertus Bernerus] etiam bene scribere, et libenter scripsit: vitans otium et diligenter operi manuum instans, et alios inducens ad scribendum. Rogante autem quodam iuvene ut exemplar ei scriberet: benigne annuit et fecit. Et ait: Bene addisces scribere: longos enim et molles digitos habes. Et Deo cooperante verum prophetavit» (Dialogus noviciorum. P. 242).

³⁸ «Quicquid tunc scribendo lucrari potui in sumptus communes tradidi: et quod mihi defuit, larga pietas dilecti domini mei Florentii pro me persolvit...» (Ibid. P. 319).

³⁹ «Veni aliquando ad visitandum eum in camera sua, ubi sedebat debilis in lectulo suo: et salutavi eum benigne, multum dolens de eius infirmitate. Frater autem Iacobus de Vianen qui ei tunc ministeravit, aliquas species confortativas ei obtulit dicens. Istaе bone species sunt, gustetis parum inde. Nonne valde bene sapient? Tunc ille me audiente respondit. Crustula panis melius vobis saperet, quam istud mihi» (Ibid. P. 160).

Отличительной чертой Радевейнса была приветливость в общении с людьми, проистекавшая из глубокой и деятельной веры в Бога: «Во внешнем облике и в речах был мягким и в глазах всех приятным, ведь был он истинным возделывателем [пашни] Бога и преданнейшим почитателем матери святой Церкви»⁴⁰. Общение с этим неординарным человеком пробуждало в юноше стремление следовать его примеру. Постепенно это еще детское желание подражать старшим перешло в осознанную работу над собой — то, что в своих воспоминаниях Фома назвал обучением в школе Христа:

«[Радевейнс] показывал себя веселым и утешительным людям опечаленным и искушаемым, так что, если кто был раздражен и разгневан, после того как его видел и с ним некоторое время беседовал, в скором времени возвращался к себе с Богом, вполне успокоенный и утешенный. Что я сам очень часто испытал на себе, равно как и товарищи мои благочестивые. Благодаря его советам и беседам мы были обучены и в школе Христа наилучшим образом просвещены»⁴¹. Возможно, именно от Радевейнса идет та особая, идущая от сердца, искренняя и убеждающая интонация доверительного разговора старшего, мудрого и опытного, с юным и желающим знать, которая свойственна всем произведениям Фомы и прежде всего четырем книгам «О подражании Христу».

В доме мастера Флоренса юноша получил не только навыки и умения. Неизгладимый след в его душе оставил весь строй жизненного уклада братьев, их повседневное общение между собой и с другими людьми. Фома понимал, что каждый из них нашел себя и свое место в этом мире: «Приближенный таким образом к благочестивому мужу [Радевейнсу] и его братьям, — вспоминал Фома, — я ежедневно наблюдал и внимательно следил за их благочестивым образом жизни и находил радость и удовольствие в добрых нравах их и в дружеских словах, которые исходили из их смиренных уст; потому что не помню, чтобы когда-либо раньше видел людей, столь благочестивых и ревностных в любви к Богу и к ближним, — людей, которые, живя среди мирян, ничего общего с мирской жизнью не имели»⁴². Он отдавал себе также отчет, скольким обязан

⁴⁰ «Visu enim et auditu iustus erat, atque omnium oculis gratiosus; utpote verus Dei cultor, et sanctae matris ecclesiae devotissimus venerator» (Dialogus noviciorum. P. 215).

⁴¹ «Tristibus et temptatis hilarem se exhibuit et solaciosum, ut si quis offenses fuisset et turbatus eo viso et secum parum loquente: mox bene pacatus et consolatus ad sua cum gaudio remearet. Hoc saepissime expertus sum in me ipso et sociis meis devotariis, qui eius consilio eruditi sumus: et in schola Christi optimis collationibus informati» (Ibid. P. 153–154).

⁴² «Adiunctus itaque tam devoto viro et fratribus eius cotidie devotam eorum conversationem attendi et inspexi: et gavisus sum ac delectatus in bonis moribus eorum et in verbis gratiae quae de ore humilium procedebant; quia numquam prius

братьям «общей жизни» и прежде всего Радевейнсу. Во вступлении к «Жизнеописанию господина Флоренса» кратко и точно перечислены ступени, по которым девентерский священник провел его самого и его школьных товарищей. Фома отметил благодеяния мастера Флоренса, т. е. каждодневную заботу об их существовании, далее попечение о духовном становлении юношей, благодаря которому они приняли сознательное решение посвятить себя Богу. Финальной нотой в отношениях молодых людей с Радевейнсом стала помощь при поступлении в монастырь: «...мне, недостойному, кажется бесстыдным и неблагодарным хранить молчание о достоинствах столь любимого отца, который меня и многих других в жизни облагодетельствовал, сначала привел к служению Богу, затем направил к воротам монастыря»⁴³.

В доме Радевейнса сложилась практика, распространившаяся затем в XV в. по всей территории Нидерландов. По завершении учебы юноши некоторое время жили в опекавших их в школьные годы домах братьев «общей жизни». Они участвовали в занятиях священников и клириков, которые жили как монахи, но без принесения обетов. Некоторые, как Арнольд Схонховен, оставались в доме братьев до конца жизни⁴⁴, другие, в том числе сам Фома и еще один его товарищ, Генрик Вильгельм, ставший его собратом по Агнитенбергу, ожидали места в монастыре. Пребывание в домах братьев «общей жизни» служило молодым людям промежуточной ступенью к монашеской стезе, давало им возможность оценить свои силы и понять, способны ли они к отречению от мира. «Не всем дано, отказавшись от всего, принять жизнь монашескую»⁴⁵, — писал позднее Фома. Можно полагать, что в доме мастера Флоренса он сам примерял себя к иноческому служению, которому позднее воздал восторженную хвалу: «О какое священное состояние службы иноческой: оно делает человека равным ангелам, Богу приятным, злым духам страшным и у всех верных достохвальным! Как не приять, как не желать всячески этого служения, когда им приобретается верховное благо, через него достигается радость, без конца пребывающая!»⁴⁶

Покидая в 1399 г. Девентер, Фома оставил там свои детство и юность. Со вступлением в монастырь началась взрослая жизнь, о некоторых

tales homines tam devotos et ferventes in caritate Dei et proximi me vidisse memini, qui inter saeculares viventes de saeculari vita nihil habebant: nihilque de terrenis negotiis curare videbantur» (Ibid. P. 215–216).

⁴³ «Denique durum et ingratum mihi indigno videtur, si tam dilecti patris virtutes reticerem: qui mihi et multis aliis beneficit in vita et primo traxit ad Dei servitium ac tandem direxit ad monasterii portum» (Ibid. P. 118).

⁴⁴ Ibid. P. 317–328.

⁴⁵ Фома Кемтский. О подражании Христу. С. 137.

⁴⁶ Там же. С. 138.

эпизодах которой он поведал в «Хронике Агнитенберга». По словам Фомы, к ее написанию его подвигли просьбы братьев-монахов:

«Благочестивое устремление некоторых наших братьев настоятельно требовало, чтобы я составил краткую хронику для утешения ныне живущих и для памяти будущих поколений. Смиренно подтверждая их благие пожелания, собрал, понемногу от многих, то, что видел своими глазами либо слышал от наших старших или узнал из написанного другими»⁴⁷.

История монастыря горы Св. Агнессы дана Фомой в контексте поступательного развития «Нового благочестия» и Виндесгеймского капитула, а также тесно увязана с происходившими в Утрехтской епархии событиями — Утрехтской схизмой. Повествование начинается с рассказа о связях Герта Грооте с домом братьев «общей жизни» в Зволле. Незадолго до своей смерти Грооте посетил Зволле и указал место в окрестностях города, которое счел наиболее подходящим для общины⁴⁸. В 1398 г. епископ Утрехта дал разрешение преобразовать дом братьев в монастырь августинских уставных каноников. В том же году на собрании генерального капитула монастырь был принят в Виндесгеймский капитул⁴⁹. Агнитенберг стал пятым монастырем капитула, его главой был избран старший брат Фомы Иоганн:

«В 1399 г. после Пасхи брат Иоганн Кемпийский, монах из Виндесгейма, был избран приором монастыря. Этот первый приор, с божьей помощью, в течение девяти лет строго управлял домом с большой бедной семьей. И как строения, так и книги и все необходимое для монастыря имущество достойно улучшил. <...> Трудно сказать, каким трудом и потом эта гористая песчаная местность была приведена к изобилию плодов и стала ровной земной поверхностью. <...> В свободное время [Иоганн] усердно предавался чтению Священного Писания, переписывал и украшал книги. Переписал много книг для хора и для библиотеки и, поскольку община все еще оставалась бедной, побуждал некоторых братьев переписывать книги на продажу, как это было в обычае с прежних времен»⁵⁰.

⁴⁷ «Quorundam fratrum nostrorum pius flagitavit affectus, ut de exordio domus nostrae et de prima fundatione monasterii nostri in monte sanctae Agnetis brevem chronicam texerem ad solacium praesentium et memoriam futurorum. Quorum piis desideriiis humiliter annuens pauca de pluribus collegi, quae vel ipse oculis vidi, vel a senioribus nostris didici, aut ex aliorum scriptis accepi» (Chronica montis sanctae Agnetis. P. 333).

⁴⁸ Ibid. P. 339–340.

⁴⁹ Ibid. P. 355–364.

⁵⁰ «Anno Domini MCCCXCIX [1399] post pascha frater Iohannes Kempis, conventualis in Windesem, electus est in priorem domus montis sanctae Agnetis. Hic primus prior Deo auxiliante statum domus cum multa et paupere familia annis novem strenue ac religiose gubernavit: et tam in aedificiis, quam in libris et aliis necessariis bona monasterii commendabiliter melioravit. <...> Non est facile dictu,

Фома вступил в Агнитенберг в 1399 г. В тот год по распоряжению папы Бонифация IX в Зволле, по случаю освящения капеллы Богоматери⁵¹, отпускались грехи:

«В 1399 г. в Зволле давались апостольские отпущения грехов <...> В тот же год я, Фома Кемпийский, девентерский школяр, рожденный в кельнской епархии, пришел в Зволле за индульгенцией. Затем проследовал, радостный, в монастырь горы Святой Агнессы, где попросил пристанища и был милосердно принят. Позднее <...> туда же пришел Вильгельм Хенрик, уроженец Амстердама, который также некоторое время пребывал в Девентере с благочестивыми клириками»⁵².

В монастыре Фома был принят сначала на положении доната⁵³, затем конверса⁵⁴. Донаты приносили только один обет послушания приору своего монастыря⁵⁵. Статус доната позволил Фоме продолжить свое образование в знаменитой городской школе в Зволле, которую возглавлял реформатор школьного образования и друг основателя «Нового благочестия» Герта Грооте — Иоганн Целе. В старших классах изучались дисциплины факультета искусств — логика и начатки философии. Когда Фома посещал школу, жил в общежитии для бедных школьников, которое содержали при своем доме братья «общей жизни» в Зволле⁵⁶.

quanto labore et sudore locus ille montuosus et arenosus in ubertatem fructuum et planitiem terrae sit deductus. <...> Tempore vacante lectionibus sacris insistebat: et saepe libris scribendis vel illuminandis operam dedit. Plures libros pro choro et pro armaria scribi fecit; et nihilominus quia pauperes adhuc errant, aliquos fratres pro pretio scribere ordinavit, sicut ab antiquis temporibus consuetum erat. Quod multi fratrum studiose fecerunt: alii autem laboribus externis se viriliter exposuerunt» (Chronica montis sanctae Agnetis. P. 365–368).

⁵¹ *Thüss B. J.* De geschiedenis van het klooster op de Agietenberg // Een klooster ontsloten. De kroniek van Sint-Agietenberg bij Zwolle door Thomas van Kempen. Kampen, 2000. Blz. 93.

⁵² «Anno MCCCXCIX [1399] fuerunt Zwollensibus datae indulgentiae apostolicae <...> Eodem anno ego Thomas Kempis, scholaris. Daventriensis, ex dioecesi Coloniensis natus veni Zwollis pro indulgentiis Deinde processu laetus ad montem sanctae Agnetis et feci instantiam pro mansione in eodem loco; et fui misericorditer acceptatus. Postea in profesto sanctae Barbarae virginis venit ibidem Wilhelmus Henrici de Amsterdam oriundus: qui etiam Daventriae stetit ad tempus cum clericis devotis» (Chronica montis sanctae Agnetis. P. 368).

⁵³ *Thüss B. J.* De geschiedenis ... Blz. 93.

⁵⁴ *Chronica montis sanctae Agnetis.* P. 371.

⁵⁵ *Dijk R. Th. M. van.* De Agietenbergkroniek in het licht van de Moderne Devotie // Een klooster ontsloten. De kroniek van Sint-Agietenberg bij Zwolle door Thomas van Kempen. Kampen, 2000. Blz. 44.

⁵⁶ *Geest P. van.* Thomas à Kempis (1379/1471). Een studie van zijn mens-en godsbeeld. Analyse en textuutgave van de Hortulus rosarum en de Vallis liliorum. Kampen, 1996. Blz. 46.

Конверсы приносили три обета и имели статус *religiosus*. Исполнять главную обязанность каноников — петь в церковном хоре — могли после обряда облачения в монашеское одеяние только те конверсы, которые умели читать⁵⁷. Обычно испытательный срок не превышал одного-полутора лет. Товарищ Фомы по дому мастера Флоренса, Вильгельм Хенрик, пришел в монастырь в один год с Фомой и был облачен в 1401 г., Фома же только в 1406 г.⁵⁸ В 1407 г. он принес монашеские обеты⁵⁹. Причина, по которой его испытательный срок длился более шести лет кроется, скорее всего, в его высокой требовательности к себе. «Наружный обычай и пострижение немного значит; но изменение нравов и внутреннее умерщвление страстей — вот что совершает истинного монаха», — писал он позднее⁶⁰.

В «Хронике Агнитенберга» события собственной жизни освещены Фомой Кемпийским очень избирательно, нет описаний собственных мыслей и чувств, которые придают такое обаяние «Диалогам новичиев». Это диктовалось как требованиями жанра строгой монастырской хроники, так и тем обстоятельством, что Фома в монастыре — уже взрослый человек, равноправный член монашеского сообщества. Все личное было вынесено за рамки повествования. Так, он не пишет о том, что в 1408 г. его брата Иоганна перевели во вновь основанный монастырь Св. Петра в Зальтбоммеле, сообщает лишь об избрании новым приором своей обители Вильяма Ворнкена (*Wiliam Vornken*)⁶¹. Такое значительное для себя событие, как рукоположение в сан священника, которому в «Подражании Христу» дана самая высокая оценка⁶², также обойдено молчанием. Дату принятия сана священника в 1413 или 1414 г. мы узнаем из его некролога в «Хронике Агнитенберга»⁶³.

Следующий по времени эпизод своей жизни, о котором поведал Фома в «Хронике», связан со смертью в 1424 г. приором Виндесгейма Яна ван Хейсдена (*Jan van Heusden*). Во время визита в главный монастырь капитула для беседы с Хейсденом Фоме привиделся пророческий сон. Рассказ ведется от третьего лица:

⁵⁷ *Dijk R. Th. M. van. De Agnietenbergkroniek ... Blz. 44.*

⁵⁸ «Anno Domini M.CCCC.VI. in die Sacramenti, quae tunc fuit in profesto Barnabae, investiti sunt duo fratres clerici et unus conversus frater Thomas Hemerken de Kempis civitate» (*Chronica montis sanctae Agnetis. P. 371–372*).

⁵⁹ *Geest P. van. Thomas a Kempis ... Blz. 46.*

⁶⁰ *Фома Кемтійський. О подражании Христу. С. 33.*

⁶¹ *Chronica montis sanctae Agnetis. P. 375.*

⁶² «Великая тайна и великое достоинство священнического звания! Им дано то, чего и ангелы не прияли. Одни только священники, по чину церковному поставленные, власть имеют совершать службу и освящать тело Христово» (*Фома Кемтійський. О подражании Христу. С. 298*).

⁶³ *Chronica montis sanctae Agnetis. P. 472.*

«Случилось, что незадолго до кончины его [Хейсдена] <...> два брата из монастыря горы Святой Агнессы пришли поговорить с приором Виндесгейма. Одному из них той же ночью был явлен предсказывающий будущее сон. Он увидел в небесах толпу духов, подобно тому как если бы они спешили к кончине кого-то. И во сне слышал, как регулярно бил колокол, как если звонил по умирающему, и затем он, пробудившись, проснулся. Он встал с постели, желая знать, что происходит, и никого не заметил. Было утро, пятый час, братья еще спали. Вернувшись к себе, в молчании стал размышлять, что очень скоро отец наш приор покинет этот мир. Никому в доме о видении не сообщил, только по секрету сказал одному клирику, шедшему с ними из Брабанта: «Передайте господину Герману Скуткену⁶⁴, который пребывает в Тене, что если он хочет поговорить с отцом нашим в Виндесгейме, то пусть быстрее возвращается; потому что, как я полагаю, недолго он [в этом мире] пребудет, если верно видение, которое некто видел этой ночью»⁶⁵.

Через 15 дней, 2 декабря 1424 г., Хейсден скончался. Этот случай почти дословно пересказан в «Виндесгеймской хронике» историографом «Нового благочестия» Иоганном Бусхом с той разницей, что Бусх сообщил имя брата, которому явилось видение: «Фома Кемпийский, муж испытанной жизни, написавший много небольших трактатов, среди которых “Кто следует мне” о подражании Христу»⁶⁶.

Выборы приоров Виндесгейма и Агнитенберга стали главными событиями 1425 г. для обитателей монастыря горы Св. Агнессы. Новым главой Виндсгейма был избран приор Агнитенберга Вильям Ворнкен, а новым главой Агнитенберга — прежний субприор монастыря горы Св. Агнессы Теодорик ван Клеэф (Theodoric van Kleef)⁶⁷. О том, что на

⁶⁴ Герман Скуткен (Hermann Scutken) был духовником Хейсдена. *Busch J. Chronicon Windeshemense und Liber de reformation monasteriorum / Hrsg. K. Grube. Halle, 1887. S. 59. (Geschichtsquellen der Provinz Sachsen ; XIX).*

⁶⁵ «Contingit ante paucos obitus sui dies infra octavam sancti Martini episcopi, ut duo fratres de monte sanctae Agnetis ad colloquendum priori in Windesem venirent. Tunc unus illorum eadem nocte tale somnium habuit, praesagium futurorum. Vidit namque in caelestibus concursum spirituum fieri et quasi ad obitum alicuius festinare. Statimque tabulam quasi pro exitu morientis in somnis audivit pulsare, ut inde expergefactus evigilaret. Surgens ergo de lecto et volens ire visum, quid esset, neminem percepit. Erat enim mane ante quintam horam, et fratres adhuc quiescebant. In se reversus tacitus cogitare coepit, quia forte in brevi pater noster prior de saeculo migrabit. Nulli tamen in domo illa quidquam de visione retulit: sed uni clerico de Brabantia venienti et in via secum pergenti secreta ait: Dicatis domino Hermanno Scutken, qui moratur in Thenis, si velit patri nostro in Windesem loqui, quod cito veniat: quia aestimo, quod non diu erit, si vera est visio, quam quidam hac nocte vidit» (*Chronica montis sanctae Agnetis. P. 394*).

⁶⁶ *Busch J. Chronicon Windeshemense ... P. 58–59.*

⁶⁷ *Chronica montis sanctae Agnetis. P. 307.*

освободившееся место субприора назначили брата Фому Кемпийского, «Хроника» не сообщает. Между тем эта должность много значила в жизни Фомы — в виндесгеймских монастырях субприоры были наставниками молодых монахов. Наставнические обязанности давали выход потребности и, что еще важнее, умению Фомы передавать свои знания и опыт. Не случайно в «Диалогах новициев» он уделял особое внимание искусству мастера Флоренса общаться с молодежью, которую воспитывал словом и примером. Должность наставника новициев развила и обогатила педагогические способности Фомы.

В 1423 г. умер епископ Утрехтский Фредерик ван Бланкенгейм (Frederick van Blankenheim). Капитул Утрехта избрал епископом Рудольфа ван Дипхольта (Rudolph van Diepholt). Папа Мартин V не утвердил Дипхольта и в 1425 г. назначил на эту должность Зведера ван Куленборга (Zweder van Culenborg). Однако значительная часть населения провинции Оверейсел, в которой располагался монастырь горы Св. Агнессы, не приняла назначенного папой епископа. Папа подверг провинцию интердикту, были запрещены церковная служба и песнопения. Братья и сестры «общей жизни» и монастыри Виндесгеймского капитула, верные апостольскому престолу, считали своим епископом Куленборга. Чтобы иметь возможность совершать богослужение, обитатели монастыря горы Св. Агнессы отправились в 1429 г. в добровольное изгнание в августинское аббатство Людингакерк во Фрисландии. Все 24 ушедших монаха и мирянина поименно перечислены в «Хронике», первым назван приор Теодорик ван Клеесф, вторым — субприор Фома Кемпийский. Для охраны монастыря оставили нескольких братьев-мирян. Первую ночь, как рассказывает Фома, странники провели у сестер в Хассельте, затем морем, с опасностью для жизни, отплыли во Фрисландию⁶⁸. Во время пребывания в Людингакерке гости реформировали приютивший их монастырь, и в 1432 г. эта мужская обитель вошла в состав Виндесгеймского капитула. Утрехтская схизма продолжалась в общей сложности до 1450 г., но для каноников монастыря горы Св. Агнессы она закончилась после смерти Куленборга в 1432 г., когда папа Евгений IV утвердил епископом Дипхольта. Фома покинул Людингакерк еще раньше, в 1431 г., — он был отозван к своему брату Иоганну, ректору и исповеднику сестер в только что основанном монастыре Бетания близ Арнема. Иоганн был болен, Фома помогал ему при исполнении пастырских обязанностей и принял его последний вздох. В посвященном брату некрологе Фома писал:

«В 1432 г. <...> в возрасте шестидесяти семи лет почил брат Иоганн Кемпийский, первый ректор и исповедник монахинь в монастыре Бетания близ Арнема. Он был ректором и приором во многих вновь основанных домах. Был первым ректором женского монастыря источника Девы Марии

⁶⁸ Chronica montis sanctae Agnetis. P. 401–405.

близ Арнема при основании этого дома, там при нем были пострижены несколько монахинь. Затем был избран первым приором монастыря горы Святой Агнессы, каковой пост занимал девять лет. Затем был послан в Боммел и вместе с другими братьями положил начало этому монастырю. И снова был избран приором монастыря Девы Марии близ Гарлема в Голландии, где пробыл семь лет. Также некоторое время ему было вменено в обязанность быть первым ректором монахинь в Бронопе близ Кампена. Наконец в послушании и доброй старости счастливо завершил свою жизнь в Бетании. <...> Я при этом присутствовал и закрыл ему глаза, поскольку был призван ему в помощь, и оставался при нем год и два месяца. В этот же год Бетания была принята в капитул Виндесгейма»⁶⁹.

Иоганн Кемпийский и Флоренс Радевейнс были самыми близкими Фоме людьми. Оба занимают значительное место на страницах его произведений, но стиль повествования, когда речь заходит об этих людях, различен. В сравнении с выражениями любви и признательности к мастеру Флоренсу строки, посвященные брату, звучат сдержанно. Возможно, Фома старался не афишировать свою любовь и привязанность к брату. Двенадцати лет от роду пришел он в Виндесгейм и нашел там каноников «с моим единокровным братом»⁷⁰. По окончании ученья Радевейнс направил его к старшему брату, и во время приорства последнего Фома был облачен. Он был рядом с братом, когда тому потребовалась помощь в последнем пределе его жизни, и по кончине закрыл ему глаза. В некрологе он особо подчеркивал, что капитул вновь и вновь посылал Иоганна Кемпийского в только что основанные мужские и женские монастыри, где трудолюбие и организаторские способности Иоганна помогали в короткие сроки наладить нормальный ритм монастырской жизни.

⁶⁹ «AD MCCCCXXXII [1432] <...> obiit frater Iohannes Kempis, primus rector et confessor sanctimonialium in Bethania prope Arnhem, anno aetatis suae sexagesimo septimo [67]. Hic in diversis locis et novis domibus rector aut prior fuit. Apud fontem beatae Mariae prope Arnhem in principio domus illius primus rector fuit et quosdam ibi investivit. Postea electus est in priorem domus montis sanctae Agnetis et novem annis praefuit. Deinde missus est prope Bommel et domum illam cum paucis incepit. Rursus autem electus est in priorem domus beatae Mariae prope Haerlem in Hollandia, ubi septem annis praefuit. Etiam aliquo tempore apud moniales in Bronopia prope Campis primus rector deputatus fuit. Tandem in Bethania quae interpretatur domus oboedientiae, vitam in oboedientia et bona senectute feliciter finivit sepultus intra clausuram post horam vesperarum, ubi tunc praesens fui et oculos eius clausi. Nam per visitatores pro socio sibi deputatus fui et uno anno et duobus mensibus secum steti. Eodem anno domus illa post pascha generali capitulo fuit incorporata» (Ibid. P. 407–408).

⁷⁰ Ibid. P. 214.

Отправляясь из Людингакерка к брату, Фома сложил с себя обязанности субприора. Между 1432 и 1448 г. он занимал пост прокуратора — лица, ведавшего общими хозяйственными делами монастыря⁷¹, но об этом в «Хронике» нет ни слова. В 1448 г. четвертым приором Агнитенберга стал Генрик Вильям Девентерский (Henrik Wiliam van Deventer), до того исполнявший обязанности субприора. На оставшуюся вакантной должность субприора назначили Фому Кемпийского. Если о первом своем избрании он умолчал, то эпизод со вторым назначением описал довольно подробно. Этот последний рассказ Фомы о себе в «Хронике Агнитенберга» исполнен крайнего смирения:

«...[субприором] был избран и назначен брат Фома Кемпийский, один из старейших [каноников], в возрасте шестидесяти семи лет, который в прежние времена уже занимал эту должность. И сколь бы ни признавал себя непригодным и извинялся за это, однако, когда ему было предписано послушание, смиренно подчинился совету братьев, не отказываясь от работы ради них и подчиняясь любви Иисуса Христа. Просил братьев молиться за себя и более доверял благодати Божией, чем себе»⁷².

В трактате *Soliloquium animae* есть один автобиографический отрывок. Он принципиально отличен от всех, имеющихся в «Диалогах новичиев» и в «Хронике Агнитенберга» тем, что в нем Фома приоткрывает завесу над своим творческим процессом. Пролог к сочинению начинается с рассказа о милой его сердцу книге, о рапиарии. Рапиарии, или иначе флорилегии, получили в позднее Средневековье широкое распространение. Это были тетрадки, в которые записывались фрагменты Св. Писания, высказывания Отцов Церкви, отрывки из благочестивых книг. В кругах «Нового благочестия» рапиарий стал одним из основных инструментов личного самосовершенствования и обязательной принадлежностью каждого брата «общей жизни» и грамотного обитателя Виндсгеймского монастыря⁷³. Подбор текстов, запись их в книжку и перечитывание (*guminatio*) требовали серьезной внутренней работы. Эта очень личная по содержанию тетрадка с любимыми цитатами была всегда под рукой и предоставляла верующему духовную пищу, когда он оставался один на один со своей совестью и с Богом. Своему рапиарию Фома посвятил задушевные строки:

⁷¹ *Thüß B. J. De geschiedenis ...* Blz. 111.

⁷² «...electus est et nominatus frater Thomas Kempis, unus de senioribus lxvii. annorum: qui praeteritis temporibus huic officio deputatus fuit. Et quamvis se ineptum sciret et excusaret, tamen oboedientia iubente humiliter se subiecit consilio fratrum, non recusans laborem propter eos subire amore Iesu Christi, petens intime sociorum ac fratrum suorum orationes, plus gratiae Dei quam sibi confidens» (*Chronica montis sanctae Agnetis*. P. 423–424).

⁷³ *Dijk R. Th. M. van. De volgorde van de vier boeken // Nuchtere mystiek. Navolging van Christus / K. Waaijman e. a. Kampen, 2006. Blz. 23.*

«Для своего утешения собрал я в одну книжечку некоторые благочестивые высказывания, которые желал предоставить своему сердцу. И располагал их как бы на приятном лугу, с посаженными на нем различными деревьями и прекрасными цветами, куда бы я мог прийти всякий раз и выбрать или рассмотреть нужные мне темы, дабы поддержать мой дух в моменты пресыщения и отвращения или же защитить его от печали. И для того, чтобы я четко и быстро находил, под каким бы деревом я отдохнул или какой цветок для чтения более подошел, я сделал так, чтобы некоторые места в текстах были выделены красными заглавиями. Также разнообразил свою речь, представляя ее то в виде разговора, то спора, то молитвы, то собеседования, и разворачивал повествование простым стилем то от своего, то от другого лица»⁷⁴.

Две последние фразы дают основание полагать, что рапиарий служил Фоме не только для духовного утешения. Тетрадка предоставляла ему также необходимые для творчества темы и точные цитаты («...чтобы я четко и быстро находил [нужные отрывки] <...> я сделал так, чтобы некоторые места в текстах были выделены красными заглавиями»). Возможно, что и темы для «Солилоквия» Фома почерпнул из рапиария и потому счел уместным рассказать об этой книжке в прологе. Далее он ведет речь о профессиональных приемах, позволявших устранить монотонность повествования и тем самым сохранить заинтересованное читательское внимание: «...я разнообразил свою речь, представляя ее то в виде разговора, то спора, то молитвы, то собеседования, и разворачивал повествование простым стилем то от своего, то от другого лица».

Но раньше, чем сочинять собственные книги, Фома научился переписывать чужие. В истории «Нового благочестия» книга занимает особое место. Первая община братьев «общей жизни» составила из писцов, переписывавших книги для основателя движения Герта Грооте, а первой совместной собственностью этой общины стала библиотека. Для того чтобы книгу можно было прочитать, она должна быть создана в качестве материального объекта — носителя информации. Важнейшим связующим звеном в этой цепи письменной традиции в Средние века служил труд переписчика: «Кто же будет читать или проповедовать, если прежде

⁷⁴ «Consolationis gratia aliquas sententias devotas in unum coacervavi libellum: quem meo pectori carius committere volui; et quasi quoddam delectabile pratum variis arboribus consitum: pulchrisque venustum floribus habere disposui; ubi ad legendum speculandumque optabiles materias tempore necessitudinis pro fovendis animis taedio vel maerore obiectis quandoque introirem. Ut autem lucide et prompte invenirem sub qua arbore requiescerem, vel qui ad legendum flos gratior esset: singula capitulorum loca rubricatis titulis praefulgere feci. Vario etiam sermonum genere, nunc loquens, nunc disputans, nunc orans, nunc colloquens: nunc in propria persona, nunc in peregrina placido stilo textum praesentem circumflexi» (Soliloquium animae. P. 191).

не узнает писания святых, которые еще прежде писец для него *не переписиет*? Благословенна рука *пишущего*, и благословенны пальцы, занятые этим трудом»⁷⁵ (здесь и далее курсив мой. — М. Л.). Флоренс Радевейнс считал переписку книг лучшим занятием для клириков. Не обладая хорошим почерком, он выполнял подготовительные работы: очищал и линовал пергамен, складывал тетради, проверял и исправлял переписанное другими⁷⁶, поскольку, говорил он, плохо переписанные и неверные по тексту книги хуже выполняют свою воспитательную роль⁷⁷.

Помимо общественно значимой функции писцовый труд имел свое, личное значение для каждого отдельного переписчика в самом важном для средневекового человека деле — деле спасения души. Во вполне средневековом духе Фома утешал переписчиков. Их труд будет вменен им в заслугу в последнем пределе человеческой жизни: «Когда будешь умирать, не отчаивайся: ведь за тебя будут молиться те, кто читали тома, некогда тобой *хорошо переписанные*»⁷⁸. С самого начала западного монашества переписка книг рассматривалась как ручной труд, необходимый для отражения дьявольских козней и скуки. Не отрицая момент монашеской аскезы («не бывай никогда совсем в праздности, или читай, или *пиши*, или молись, или размышляй: чем-нибудь работой для пользы общей»)⁷⁹, Фома приравнял переписку книг к главным занятиям монахов — к чтению, пению во время церковной службы в хоре, молитве⁸⁰. Особая «писцовая» ментальность Фомы проявилась и в его молитвах, когда он просил: «*Затиши*, Господи Иисусе Христе, раны твои в сердце моем драгоценнейшей твоей кровью»⁸¹. Одну из своих проповедей он посвятил истолкованию стиха Евангелия от Иоанна (8:6): «Но Христос, наклонившись низко, писал перстом на земле».

«Ведь нравится тебе, — говорит Фома, — подражать Христу в чтении и письме... очень благое это дело — *переписывать* книги, которые любит

⁷⁵ «Quis autem legeret, vel praedicaret nisi sanctorum scripta noscet, et nisi scriptor prius scripisset? Benedicta ergo manus scribentis: et benedicti digiti in tali opere occupati» (Sermones de vita et passione Domini // *Thomae Hemerken. Opera. Vol. 3. P. 170–171*).

⁷⁶ *Dialogus noviciorum. P. 150.*

⁷⁷ *Ibid. P. 204.*

⁷⁸ «Cum mortuus fueris non desperabis; orabunt enim pro te: qui legerint volumina tua olim a te satis bene scripta» (Doctrinale iuvenum // *Thomae Hemerken. Opera. Vol. 4. P. 185*).

⁷⁹ *Фома Кемпийский. О подражании Христу. С. 39.*

⁸⁰ «Si enim bona agit, si bene legit, cantat vel scribit, si orat studet, praedicat, aut celebrat, ecce statim adest diabolus cum vana gloria...» (Sermones ad novicios regulares. P. 116–117).

⁸¹ «Scribe, Domine Jesu Christe, vulnera tua in corde meo pretiosissimo sanguine tuo» (Oraciones de passione Domini // *Thomae Hemerken. Opera. Vol. 3. P. 352*).

Христос, в каковых он познается, в которых мы о нем читаем и благодаря которым о нем проповедуем»⁸².

Труд переписчика имел также денежное выражение. Фома выучился писцовой работе в доме мастера Флоренса, где переписывал книги на продажу. Поскольку община монастыря горы Св. Агнессы была очень бедна, приор монастыря Иоганн Кемпийский «побуждал некоторых братьев переписывать книги на продажу, как это было в обычае с прежних времен»⁸³. Фома стал одним из таких писцов. Некролог в «Хронике Агнитенберга» сообщает, что он «переписал всю нашу Библию и многие другие книги для монастыря и на продажу»⁸⁴. За свою жизнь Фома изготовил четыре Библии. Упомянутая в некрологе Библия, переписанная им для своего монастыря, утрачена. В Дармштадте находится другая, очень красивая пятитомная пергаменная Библия⁸⁵. На трех из ее пяти томов есть сделанные рукой Фомы писцовые записи, в которых он в обычной для средневековых писцов манере сообщил, где и когда переписал эти книги. Сначала был переписан Новый Завет (1427)⁸⁶, а затем ветхозаветные книги (1435 и 1439)⁸⁷. В Королевской библиотеке в Брюсселе хранятся два небольших пергаменных кодекса с собственными произведениями Фомы. В колофонах говорится, что он собственноручно переписал эти сборники, один в 1441 г.⁸⁸, другой — в 1457 г.⁸⁹ В более раннем из них, знаменитом брюссельском автографе Фомы Кемпийского 1441 г., записаны четыре книги «О подражании Христу». Последовательность книг отличается от той, что была принята в печатных изданиях XVI–XX вв.

⁸² «Placeat igitur tibi Iesum imitari legendo scribendo et alia sanctae religionis instituta servando; ut ceteros aedifices digne Deo vivendo: qui idoneus non es ad praedicandum. Valde bonum opus est scribere libros quos amat Iesus; in quibus ipse agnoscitur, legitur et praedicatur» (Sermones de vita et passione Domini. P. 169–170).

⁸³ Chronica montis sanctae Agnetis. P. 368.

⁸⁴ «Scripsit autem Bibliam nostram totaliter et alios multos libros pro domo et pro pretio» (Ibid. P. 466).

⁸⁵ Darmstadt, Hessische Landes- und Hochschulbibliothek. Ms. 324.

⁸⁶ «Completus est hoc volumen novi testamenti Anno domini MCCCC. vicesimo septimo. in vigilia pentecostes. Per manus fratris thome de kempis Ad laudem dei».

⁸⁷ «Finitus et completus anno domini millesimo quadringentesimo tricesimo quinto ambrosij episcopo. Per manus fratris thome kempis. In monte sancte agnetis».

«Finitus et completus anno domini. milesimo. quadringentesimo. tricesimo nono. In vigilia sancti iacobi apostoli. Per manus fratris thome kempis Ad laudem dei in monte sancte agnetis».

⁸⁸ «Finitus et completus anno. domini MCCCCXLI per manus fratris thomae kempis In monte sanctae agnetis prope Zwollis» (Bruxelles, Bibliothèque Royale. Ms. 5855-61).

⁸⁹ «Anno Domini MCCCCLVI. Finitus et scriptus per manus fratris thomae kempis» (Bruxelles, Bibliothèque Royale. Ms. 4585-87).

Книга «О внутреннем утешении», считавшаяся в течение пяти веков третьей книгой, записана в брюссельском автографе последней, а книга «О благочестивом увещании к принятию святого причастия», которая печаталась как четвертая и последняя из четырех книг «О подражании Христу», стоит на третьем месте. В настоящее время авторская последовательность четырех книг принята в Нидерландах⁹⁰ и, надо полагать, станет общепризнанной. Писцовые записи Фомы с полным правом следует отнести к разряду автобиографических источников. Они помогают реконструировать замысел его главного произведения, самой читаемой в мире книги после Библии⁹¹, и дополняют наши знания о его трудах в монастыре.

Неизвестный монах, продолжатель «Хроники Агнитенберга» написал в некрологе, что брат Фома Кемпийский в монастыре «терпел великие искушения, лишения и нужду». Как и положено духовно зрелому мужу, ни в одном из своих сочинений Фома не посетовал на какие-либо обстоятельства. Его нравственная позиция выражена в книге «О подражании Христу»: «Не малое это дело — живя в монастырях или в общинах, обходиться без жалобы и до самой смерти пребывать в верности. Блажен, кто хорошо тут прожил и завершил счастливо!»⁹²

Фома Кемпийский завершил счастливо. По смерти его в 1471 г. продолжатель «Хроники» писал: «В день Святого Иакова старшего на девяносто втором году жизни преставился возлюбленнейший брат наш Фома Хемеркен из города Кемпен Кельнской епархии, на семьдесят третьем году монашеского и пятьдесят восьмом году священнического служения. В юные годы был воспитанником господина Флоренса в Девентере и по достижении двадцати лет был направлен им к его брату, тогда приору монастыря горы Святой Агнессы, которым и был по истечении шести лет испытания облачен. В монастыре терпел великие искушения, лишения и нужду. Переписал всю нашу Библию и многие другие книги для монастыря и на продажу. Сверх того для образования молодежи сочинил различные книжки, и хотя стиль этих книг прост и ясен, но содержание — величественно и воздействие — эффективно»⁹³.

⁹⁰ *Dijk R. Th. M. van. De volgorde ...*

⁹¹ *Waaijman K. Inleiding. Blz. 9.*

⁹² *Фома Кемпийский. О подражании Христу. С. 32–33.*

⁹³ «...in festo sancti Iacobi maioris post completorium obiit praedilectus frater noster Thomas Hemerken de Kempis natus, civitate diocesis Coloniensis, anno aetatis suae xcii. et investitionis suae lxxiii, anno autem sacerdotii sui lviii. Hic in iuvenili aetate fuit auditor domini Florentii in Daventria et ab eo directus est ad fratrem suum germanum, tunc temporis priorem montis sanctae Agnetis, anno aetatis suae xx, a quo post sex annos probationis suae investitus est. Et sustinuit ab exordio monasterii magnam penuriam, temptationes et labores. Scripsit autem Bibliam nostram totaliter

В этих написанных для образования молодежи книгах Фома лишь три раза говорит о себе и только о себе. В двух случаях это рассказы о поворотных моментах своей судьбы, когда завершался один жизненный период и начинался следующий. Таким знаковым событием стал его приход в Девентер⁹⁴. Позади осталось детство в родном Кемпене, впереди — отроческие и юношеские годы в школе и в доме мастера Флоренса. Читая между скупых строк «Диалогов новичиев», можно проследить напряженные нравственные и духовные искания юноши, в конечном счете приведшие его к воротам монастыря. К концу пребывания в Девентере двадцатилетний Фома был вполне сложившимся человеком. Он имел четкие представления о цели своей жизни и обладал нравственными и духовными средствами к ее достижению.

Только о себе говорит Фома и тогда, когда описывает свое вступление в монастырь. Получив в Зволле отпущение грехов, он «проследовал, радостный» в Агнитенберг и был там «милосердно принят»⁹⁵. В «Хронике Агнитенберга», как и в «Диалогах новичиев», есть рассказы о хорошо знакомых Фоме людях. В отличие от «Диалогов», здесь при описании событий между автором и его героями ощутима некая окрашенная благожелательной отстраненностью дистанция, не позволяющая проникнуть в душевный мир зрелого инока. Накопленные за время семидесятилетнего монашеского служения знания и опыт раскрыты им в других произведениях Фомы. Все, о чем он писал, извлекалось из глубин его собственного опыта, было выстрадано, глубоко прочувствовано и тщательно продумано. Свои знания он передавал новичиям в личных беседах и, опосредованно, в книгах, щедро делясь сокровищами своего внутреннего мира с его страхами, надеждами, борьбой и упованиями, любовью к людям и к Богу.

Третий из «сугубо автобиографических» фрагментов посвящен творческому процессу. *Soliloquium animae* — это разговор души с Богом, затрагивающий кардинальные вопросы внутренней религиозной жизни человека. Быть может, по этой причине Фома рассказал в прологе о самом заветном, что было в его душе после Бога, — о своем творчестве. Для Фомы папиарий был составной частью его литературного труда. Тон всему произведению задают исполненные сердечной признательности слова о том, как он прибегал к этой тетрадке, дабы поддержать свой дух «в моменты пресыщения и отвращения или же защитить его от печали». В конце абзаца Фома рассказывает, как разнообразил свои приемы, ведя

et alios multos libros pro domo et pro pretio. Insuper composuit varios tractatulos ad aedificationem iuvenum in plano et simplici stilo, sed praegrandes in sententia et operis efficacia» (*Chronica montis sanctae Agnetis*. P. 466).

⁹⁴ *Dialogus noviciorum*. P. 214–215.

⁹⁵ *Chronica montis sanctae Agnetis*. P. 368.

повествование «то в виде разговора, то спора, то молитвы, то собеседования», иногда от первого, иногда от третьего лица в зависимости от поставленной в произведении задачи⁹⁶.

Фома Кемпийский не оставил свой *curriculum vitae*. Тем не менее его жизнеописание с достаточной полнотой выстраивается из трех десятков разбросанных в его книгах автобиографических фрагментов. В большинстве из них он выступает свидетелем, а не участником события, пишет не о себе, а о других людях, причем в изображении этих людей неизменно выбирает положительный ракурс. Эти фрагменты можно было бы отнести к жанру назидательных примеров, имеющих целью преподать модель благочестивого поведения, если бы не одно обстоятельство. В воспоминаниях из «Диалогов новициев» Фома предстает чутким, наблюдательным и благодарным подростком. Рано развившаяся саморефлексия позволяла ему фиксировать свои мысли и чувства, давать им оценку и извлекать уроки из поведения окружающих его людей. Эти воспоминания повествуют о том, как сначала подросток, затем юноша упорно трудился над формированием своего сознания и своего поведения, своего «я».

Религиозная этика «Нового благочестия» носила ярко выраженную личностную окраску. Требование индивидуального подхода к чтению Св. Писания, медитации, молитве вело к индивидуализации других видов деятельности, прежде всего творческих. При всем старании смирить свою индивидуальность, именно глубоко личное отношение Фомы к Богу и к истинам христианского вероучения создали синтез мыслей и чувств, составивших книгу «О подражании Христу» и другие его сочинения. Рассыпанные в них автобиографические фрагменты воссоздают картину становления Фомы Кемпийского как личности и раскрывают некоторые грани духовности «Нового благочестия», которые оказали влияние на становление новоевропейского индивидуализма.

SUMMARY

Thomas à Kempis (1379/1380–1471), the author of the book *De Imitatione Christi*, besides his religious didactic treatises wrote also some historical works — the biographies of the first zealots of the Modern Devotion, the hagiography of St. Ludewiga and the *Chronica Montis S. Agnetis*. He had not left his own biography being guided by the principle «ama nesciri» (love to be unknown) but it can be recreated basing on some autobiographical passages which we find in his works. The life of Thomas à Kempis was closely bound up with the Modern Devotion. His elder brother Johann was one of the initiators of that movement. Thomas himself from the age of twelve lived in the entourage of persons sharing his brother's views, so he could

⁹⁶ Soliloquium animae. P. 191.

observe from the inside the formation of this movement. He spoke about it in the *Dialogi noviciorum* written in order to training the novices. In his recollections Thomas à Kempis writes mostly about other people, not about himself, but he was able to observe his own thoughts and feelings and to learn lessons from the behaviour of those who surrounded him. These are stories telling how a teenager, then a young man worked to build up his consciousness, his own «ego». Some more facts about him we can learn from the *Chronica Montis S. Agnetis*. Another autobiographical fragment we find in the prologue to the treatise *Soliloquium animae*. This passage is really unique because it speaks about his creative work which was the most sacred thing that Thomas à Kempis had in his soul after the God. For all the Thomas's efforts to subdue his individuality it was just his profoundly personal attitude towards God and towards the truth of the Christian faith which created the synthesis of thoughts and feelings becoming the basis of his work *De Imitatione Chris* and others. The autobiographical passages in the works of Thomas à Kempis show us the formation of his personality and reveal certain aspects of the Modern Devotion spirituality which greatly influenced the formation of the new-European individualism.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Религиозные движения позднего Средневековья, «Новое благочестие», монашеское самосознание, средневековая автобиография, Фома Кемпийский.

KEY WORDS

Religiouns movements of Late Middle Ages, «Modern Devotion», Monastic Consciousness, Medieval autobiography, Thomas à Kempis.